

355 А - XIII-5353a

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

**КОАЛИЦИОННАЯ
ПОЛИТИКА
ИЛИ КЛАССОВАЯ
БОРЬБА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ НОВЬ“**
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ
МОСКВА 1923г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. ★ МОСКВА.

ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

КАРЛА МАРКСА.

Наемный труд и капитал. Под ред. Каутского. Пер. И. Степанова.

Классовая борьба во Франции 1848—1850 г.г.

Гражданская война во Франции 1871 г.

Заработная плата, цена и прибыль.

18-ое Брюмера.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Критика Готской программы.

ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА.

Политическое завещание. (Из неопубликованных писем).
I и II изд.

Революция и контр-революция в Германии. I и II изд.

От утопии к науке.

Принципы коммунизма.

Людвиг Фейербах. (От классического идеализма к диалектическому материализму).

Сила и экономика в образовании новой Германской империи.

Бакунисты за работой.

Крестьянский вопрос во Франции и Германии.

1
287а

Арх. XIII-5353

Роза Люксембург

287а

1
287а

КОАЛИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

ИЛИ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА?

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ

Ф. РОТШТЕЙНА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

Е. УСПЕНСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1923

Главлит. № 9380.

Тираж 10.000 экз.

„Мосполиграф“ — 20-я типография „Красный Пролетарий“. Пименовская ул., д. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Собранные в настоящей книжке статьи Розы Люксембург относятся к началу текущего столетия и имеют своим предметом кризис, вызванный во французском социалистическом движении вступлением в буржуазное министерство Вальдека-Руссо одного из наиболее видных его деятелей, Мильерана, ныне благополучно подвизающегося на высоком посту президента французской республики. Читатель может легко подумать, что тема эта для настоящего времени немного уже архаическая, и что даже ради имени Люксембург не стоило тревожить прах давно уже истлевшего эпизода в истории II Интернационала. На деле это не так. На деле в заключительной фразе настоящего сборника кроется значительная доля истины: «трехлетний период мильеранизма во Франции, по нашему мнению, является столь же важной вехой в истории международного рабочего движения, как—в другом смысле—десять недель парижской коммуны 1871 г.». Роза Люксембург и не подозревала, когда заключала одну из статей этими словами, как правильно она оценила этот мильерановский эпизод. Читатель видит при чтении первой из помещенных здесь статей—это была лишь газетная статья,—как робко, как неуверенно и смущенно подходили в начале кризиса к проблеме, созданной мильеранизмом, даже самые смелые социалистические публицисты и марксистские теоретики. Правда, и в ней «проблема власти», как тактический и принципиальный вопрос, ставится правильно: социалистическая партия может выступить правящей партией лишь на развалинах буржуазного общества. Вместе с тем, однако, допускается еще мысль, нашедшая себе вскоре затем и официальную санкцию на парижском международном социалистическом конгрессе 1900 г. в знаменитой резолюции Ка-

утского, что возможны случаи, когда представителям пролетариата необходимо войти в буржуазное правительство с тем, чтобы отстоять свободу страны или демократические завоевания. И вторая статья еще не отходит от этой точки зрения, ставя лишь вопрос о вступлении социалиста в буржуазное правительство в зависимости от согласия его партии и направляя всю силу своей критики против того утверждения, будто существованию французской республики, действительно (как мотивировали Мильеран, Жорес и их друзья), угрожала серьезная опасность. Роза Люксембург еще не предвидела того, что сами партии могут пойти по пути мильеранизма и заключать коалиции с буржуазными партиями и составлять с ними правительство или принять участие в нем на предмет защиты «свободы страны» или «демократических завоеваний», вместо того, чтобы сбросить их и образовать собственное революционное правительство, как в свое время указывал еще Энгельс. В дальнейшем, однако, она не то, что изменяет эту позицию, а просто изживает ее, как изживают люди предрассудок в силу житейского опыта. С необыкновенным мастерством, нередко напоминающим Маркса, остротой анализа и блеском языка, она вскрывает всю пустоту и иллюзорность миссии, которую взяли на себя Мильеран и его приверженцы, и обнажает нагую сущность «защиты» свободы страны и демократических завоеваний буржуазными партиями и правительствами. Она нигде не говорит этого определенно, но читатель чувствует, что под конец, по мере выявления истинной природы радикального правительства, в котором участвовал Мильеран, и по мере того, как часть социалистов, группировавшаяся вокруг Жореса, катилась по наклонной плоскости к предательству дела пролетариата, она уже стояла на совершенно иной позиции, что она на этой стадии не подписывала бы уже хваленой резолюции Каутского, что для нее ни одобрение партии на вхождение членов ее в правительство, ни «необходимость» защиты свободы страны и демократических завоеваний уже не играли никакой роли в смысле спасительного клапана. Она, этот чуткий гений, уже смутно сознавала, что мильерановскому эпизоду суждено играть такую же роль, но в обратном смысле, какую сыграла парижская коммуна: он начал собой эру соглашательства и предательства, традицию социалистической контр-революционно-

сти, как парижская коммуна открыла собой эру пролетарской революции. Франция оказалась родиной той и другой «методы», как окрестил их в свое время Жорес, не учитывая всей глубины и исторического генезиса обоих; но они вскоре приобрели международное значение: мильеранизм получил перевес над парижской коммуной по всему миру, пока русская революция не спасла и не утвердила опять революционной традиции последней.

Вот в этом-то и заключается значение мильерановского эпизода даже для нашей эпохи. Мильеранизм далеко еще не изжит. Напротив, он правит сейчас победу даже над бывшими своими противниками, как Каутский, который сейчас отстаивает правительственную коалицию между буржуазными и социалистическими партиями, доказывая, как некогда доказывал Жорес, что специфической формой перехода на рельсы социалистической государственности и является мильеранизм¹⁾. Во время войны к нему перебежали его старые французские противники Гэд и Вальян, из коих первый вошел даже в правительство «национальной обороны», а в период нашей февральской революции его «методу» широко применяли наши собственные меньшевики. Нужно ли доказывать, что такое течение заслуживает внимательнейшего изучения у самых его источников? Опасность его, как я указал, не сразу была понята во всем ее объеме. На парижском конгрессе весь Интернационал (за исключением одного де-Леона, вождя и теоретика одной из американских секций) считал возможным отмахнуть-

1) В своей книге: «Пролетарская революция и ее программа», изданной в 1922 г., он говорит:

«В своей знаменитой статье: «Критика социал-демократической партийной („готской“) программы» Маркс говорит:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения одного в другое. Этому соответствует и политический переходный период, во время которого государство не может быть ничем другим, как революционной диктатурой пролетариата».

Это положение мы можем ныне на основании опыта последних лет, в отношении вопроса о правительстве, изменить в следующем направлении:

«Между периодами чисто буржуазно и чисто пролетарски управляемого демократического государства лежит период превращения одного в другое. Этому соответствует и политический переходный период, во время которого правительство, как правило, будет принимать форму коалиционного правительства».

ся от нее одной ничего не говорящей, но таившей в себе, как сейчас это ясно, весь последующий оппортунизм в зародыше фразой о том, что социалисту дозволяется вступление в буржуазное правительство «лишь» в «исключительных» случаях с разрешения его партии. Но уже и в то время Роза Люксембург сумела нащупать его подоплеку и тенденцию и выявить их перед читателем с поразительной яркостью. Отсюда и значение ее статей: они абсолютно необходимы для всякого, изучающего историю того позорного краха, который постиг социалистическое движение в начале империалистической войны. От милитаризма до «национального единства», до оборончества, до соглашательства и предательства тянется одна традиция, которая пробивается наружу в отдельных эпизодах, но по большей части таится, как скрытая болезнь, в крови II Интернационала, подтачивая его организм и отдельные члены и ослабляя его стойкость перед эпидемией. Поэтому, кто хочет правильно учесть события июльских дней 1914 г., тот должен начать с июльских дней 1899 г.

Для молодого читателя из поколения, лично не пережившего эпизод, о котором трактует настоящая книжка, необходимо вкратце восстановить исторические факты. Начало его восходит к так называемому делу Дрейфуса, молодого офицера французского генерального штаба из богатой еврейской семьи, который в 1894 г. был осужден на ссылку на каторжный Чортов Остров по обвинению в государственной измене. Через два года выяснилось, что документ, на основании которого он был обвинен, был сфабрикован неким Эстергази. Последний и был привлечен к военному суду, который, однако, оправдал его, признав документ за подлинный. Это было явное извращение правосудия, объясняющееся желанием военной касты поддержать свой престиж непогрешимости, а также антисемитизмом, царившим в правящих милитаристски-клерикально-монархических кругах. Так как даже в умеренно-республиканских слоях не было и тени сомнения насчет невинности Дрейфуса, так как и подлинно-республиканское и радикальное общественное мнение чувствовало, что в данном случае на карте стоит не только жизнь и благополучие богатого молодого человека из буржуазии, но и честь, престиж, а при дальнейшем попустительстве даже само благополучие республики, то поведение генерального штаба глубоко взволновало публику, и вокруг

имени Дрейфуса поднялась страстная агитация, которая перешла в настоящую бурю, когда знаменитый писатель Эмиль Зола выступил с публичным обвинением против генерального штаба в знаменитом открытом письме: «J'accuse!» (я обвиняю!) и был привлечен к суду за оскорбление армии. Нужно иметь в виду, что в глазах республиканцев генеральская верхушка армии, которая, действительно, состояла почти сплошь из тайных монархистов и клерикалов, с самого начала республики была ненавистна, и сейчас все буржуазное общественное мнение стало на сторону защитников Дрейфуса, требовавших гласного судебного пересмотра дела. Позиция социалистов в этой обстановке была довольно трудная, и нужно признать, что ни правое крыло их, которое под предводительством Жореса, великого оратора, большого человека, но идеалистически-мыслившего социалиста, бросилось в самую пучину агитации, ни левое крыло их, которое, под предводительством Гэда и Вальяна, отошло в сторону, заявляя, что шумиха из-за богатого еврейского офицера их не касается, так как была внутренним делом буржуазии, не сумели найти настоящего тактическое решение вопроса. Конечно, нельзя было просто броситься в агитацию рядом с другими партиями и направить все усилия лишь к тому, чтобы стать во главе ее, ничего не изменяя в ее сущности. Но нельзя было также отойти в сторону и рассматривать движение против милитаристов и клерикалов, как на нечто такое, в чем пролетариат не заинтересован. Нужно было стать на ту позицию, что борьба с милитаризмом и клерикализмом даже очень и очень касается рабочего класса, что именно рабочий класс и является самым решительным врагом их, и что для успешной борьбы с ними недостаточно метить в головку, а необходимо вырвать зло с корнем, т.-е. уничтожить армию и церковь вообще. А это значило требовать отказа от идеи реванша, от колониальной политики, от позиции нейтралитета к церкви, как «частному» учреждению, от практики использования ее на востоке, как орудия проникновения и т. д. Другими словами, нужно было превратить агитацию по частному делу Дрейфуса в революционную агитацию против всей буржуазной республики и при первом же удобном случае, когда буржуазные партии заявят или выявят свое нежелание или неспособность идти так далеко, провозгласить лозунг революционно-

го правительства. Ничего из этого не было сделано ни левым, ни правым крылом социалистов, и дело кончилось тем, что правые, увлекшись идеей защиты республики без дальнейших оговорок, очутились на платформе коалиции или, скорее, присоединения социалистов к правительству, обещавшему разрешить дело Дрейфуса в «республиканском» духе. Дальнейшее уже ясно из статей Розы Люксембург. Правительство Вальдека-Руссо сумело не разрешить, а только замять дело, никаких коренных мер против анти-республиканских элементов не было проведено, и все значение участия социалиста в министерстве свелось к тому, что его партия стала ответственной за несколько весьма сомнительных «реформ» и за весьма несомнительный массовый расстрел бастующих рабочих в Шалоне и других местах. Мильерановский эпизод формально окончился лишь с отставкой кабинета Вальдека-Руссо в 1902 г., но вслед за ним последовало вхождение в буржуазное правительство Бриана, апостола всеобщей забастовки, затем даже образование кабинета Брианом, выступившим теперь уже охранителем буржуазного порядка против бастующих железнодорожников, затем опять вхождение в кабинет Мильерана, но уже в качестве военного министра, восстановившего старые военные ритуалы времен империи, затем вхождение в правительство Вивиани и т. д. до самой войны. Конечно, они уже не были членами партии; они взяли себе отпуск на вечные времена; но они лишь выполнили то завещание, которое досталось им от времен мильеранизма и жоресизма.

Нужно еще упомянуть, что к началу мильерановского эпизода во Франции, хотя и существовала объединенная парламентская социалистическая фракция, не существовало единой социалистической партии. Одна партия, под названием «французская рабочая партия», была марксистская и была особенно сильна в промышленных районах севера. Ее вождями были Жюль Гэд и Поль Лафарг. Другая партия, соперничавшая с ней, была бланкистская и руководилась Вальяном. Она называлась «социалистически-революционная партия». Третья партия, рано отделившаяся от гэдистов, была под предводительством Поля Брусса и называлась «поссибилистами», от слова, сказанного когда-то ее основателем о том, что необходимо расщеплять цель социализма так, чтобы можно было осуществить ее по частям («possibile»

значит возможно). Четвертая партия, в свою очередь, выделилась из партии поссибилистов под предводительством Альемана и приняла сильную синдикалистскую окраску. Наконец, существовала группа «независимых» социалистов, в состав которой и входили Жорес, Мильеран и Вивиани. В 1900 г. последние формально конститутировались вместе с частями других партий, ставших на платформу «министерализма», в виде «французской социалистической партии», а годом позже гэдисты и бланкисты, их главные противники, слились в «социалистическую партию Франции». Лишь в 1905 г. состоялось объединение всех партий и групп в единую социалистическую партию, благополучно дожившую до собственного краха в 1914 г.

Ф. Ротштейн.

тристской социалистической партии легли бы не принципиальные разногласия, а, в крайнем случае, некоторая невыясненность тактики, некоторые унаследованные из словаря Жореса лозунги об «односторонности фанатиков и догматиков», некоторые сомнения и антипатии, относящиеся ко времени ярых тренировок и столкновений, имевших место в последнее трехлетие.

Но так или иначе, и эти последние волны кризиса улягутся: они не в состоянии видоизменить русло великого течения французского социализма.

А общественное мнение в других странах? Оно тоже заметно отворачивается от иссушенных пустынь министерализма.

Замечательно, что зачастую к этому запоздалому выводу приходят в результате самых незначительных поводов. Проглотив, например, резню бастующих рабочих, голосование социалистов в осуждении социализма, вообще, фиаско всего дела «республиканской защиты», кое-кто вдруг начинает понимать, что участие социалистов в министерстве надо отвергнуть, исходя из сравнительно безобидного опереточного приема, оказанного во Франции царю.

С той поры, как Ньютон напал на свою теорию миров, благодаря падению яблока, повидимому, стало законом, что люди понимают самые простые явления не раньше, чем гнилое яблоко ударит им в лоб.

И все же скоро наступит время, когда все будут *единого* мнения о министерализме и, в силу хорошо известного психологического явления, ни один человек вообще не захочет сознаться, что он держался иного мнения. Однако, раньше, чем социалистический Интернационал перешагнет через крупный оппортунистический эксперимент Франции и перейдет к порядку дня, ему нужно из этого эксперимента *вывести урок*. Трехлетний период миллеранизма во Франции, по нашему мнению, является столь же важной вехой в истории международного рабочего движения, как—в другом смысле—десять недель Парижской Коммуны 1871 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Тактический вопрос	11
Социалистический кризис во Франции	15
Правительство Обороны Республики	23
Тактика Жореса и радикализм	38
Социальные реформы Мильерана	54
К Французскому объединительному Конгрессу	74
После Конгресса	87
Конец социалистического кризиса во Франции	97

